

БАРТАБАС:

«ЗИНГАРО» НЕ ЦИРК, А ПЛЕМЯ

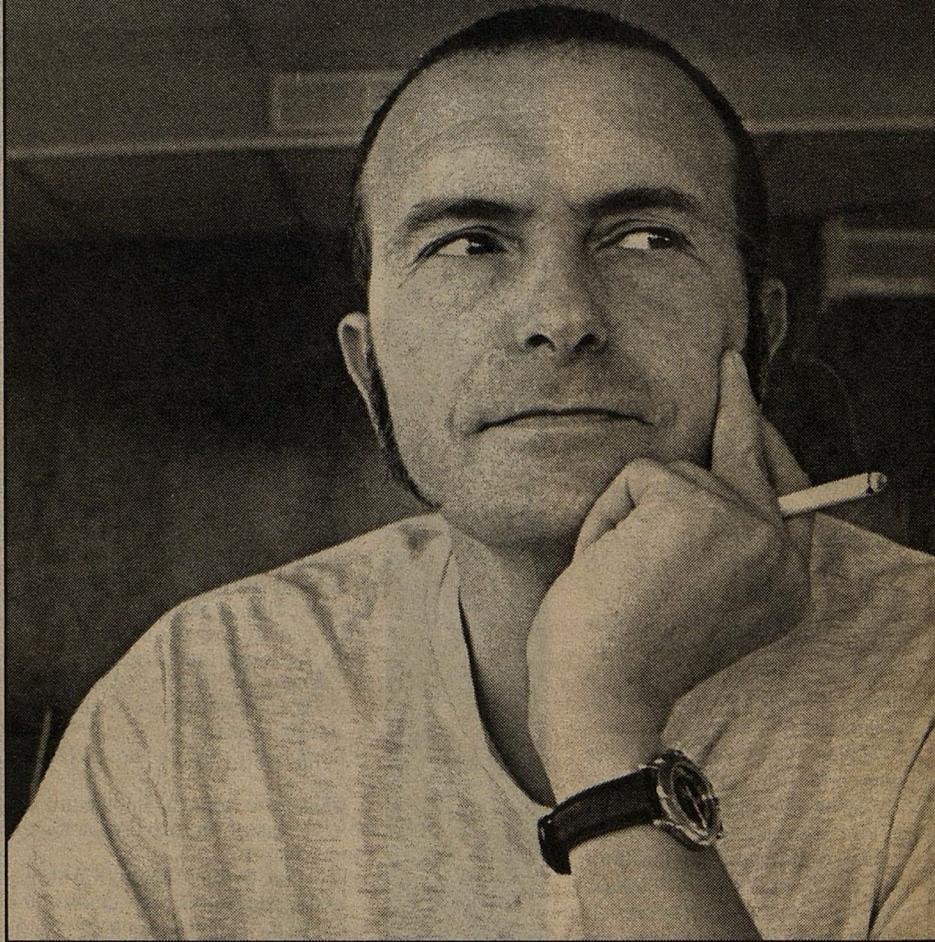

ФОТО ИГОРЬ ИВАНДИКОВА

Уехал цирк. Конный театр из Франции «Зингаро» покинул Коломенское. Сейчас там уже разбирают шапито, в котором почти две недели на красном песке манежа выступали белые, каурые и пегие лошади с именами Дягилев, Лифарь, Баланчин и Нижинский. Театр, где лошади выступают на равных с людьми, изобрел человек по имени Клеман Марти, давным-давно принявший псевдоним Бартабас. Перед тем, как «Зингаро» покинул Москву, корреспондент «ВК» встретился с Бартабасом на борту теплохода, пришвартованного в Коломенском. *Встр. Кривд. - 2001. - 22 июля - с. 8*

— Месье Бартабас, скажите, «Зингаро» — это все-таки цирк или не цирк?

— Какой цирк! Есть только внешние атрибуты, напоминающие цирк. Ну, конечно, мы играем в шапито и живем в фургончиках. Но не жить в фургончиках мы не можем, поскольку жизнь и работа у нас перемешаны. Лошади — они как дети, они требуют постоянного ухода, и мы должны быть рядом с ними 24 часа в сутки. Из сорока человек, которые входят в мою труппу, ни один не принадлежит к цирковой семье. Когда я говорю о «Зингаро», я обычно употребляю термин «племя». Мы ведь и вправду больше похожи на племя, чем на цирк, и наш образ жизни таков, что мы вместе сутками напролет. Нет никаких границ между творческой жизнью и повседневной. Нам нравится репетировать свои спектакли, и в то же время бывают моменты, когда я по четыре месяца живу затворником и работаю с одной-единственной лошадейю. Лошадь — тонкий инструмент, и надо очень-очень много работать, чтобы чего-то добиться.

— Для того, чтобы создать свой «не цирк», вы, очевидно, сначала должны были выучиться цирковому ремеслу?

— Я сам себя образовал. В 17 лет создал свой первый театр. Я никогда не учился ни в конных, ни в театральных школах. Как-то все само собой в жизни получалось. В 17 лет я оказался перед дилеммой: или годами ждать ролей в традиционном театре, или попробовать что-то сделать самому вместе с друзьями. И я предпочел второе.

— К этому времени были уже, наверное, хорошим наездником?

— Да, я участвовал в скачках, занимался конным спортом. Но в моем первом театре не было лошадей. Это был уличный театр, и он был близок по духу к commedia dell'arte. А потом появился цирк «Аллегро». В нем работали пять очень сильных актеров: один занимался дрессировкой крыс, другой — дрессировкой лошадей, третий еще чем-то... Нам удалось сделать вполне успешные спектакли, но потом я понял, что надо сосредоточиться на конном театре, в основе которого будет лежать музыка. Специфика «Зингаро» такова, что вдохновение здесь не может не подпитываться ежедневным трудом, постоянным тренингом. Не знаю, как с этим дело обстоит в России, но во Франции драматический актер работает над собой недостаточно, — особенно если сравнить его с музыкантом, ежедневно повторяющим свои гаммы, или танцовщиком. В «Зингаро» все по-другому. Приблизительно так же обстоит дело и в восточном искусстве, где тренинг играет основную роль.

— Как вы подбираете актеров в труппу?

— Для меня важнее всего не профессиональные, а человеческие качества актера. Если нужно выбирать между мастерством и человеческими достоинствами, я выбираю второе. Самоотдача важнее профессионализма.

— В ваших спектаклях в разные годы участвовали и грузины, и цыгане, и корейцы, и индусы. Как вы их находите? Наверное, вы немало ездите по миру, чтобы отыскать этих прекрасных танцовщиков и всадников?

— Вы абсолютно правы. Конечно, нужно много ездить, чтобы найти артистов и музыкантов. Но я всегда отталкиваюсь от музыки, которая лежит в основе спектакля. При чем чаще всего это музыка фольклорная, как это было в предыдущих моих спектаклях «Затмение» и «Химеры». Народная музыка лучше всего сопрягается с лошадейю. Ведь лошадь — это существо, которое жило задолго до нас, и у каждого из нас в подсознании есть образ лошади. «Триптих» стал исключением из моего творчества, потому что здесь я взял музыку Стравинского. И искал я в этот раз не музыкантов, а танцовщиков. Мне показалось, что здесь непременно должны быть индийские танцовщики. Вы не подумайте, кстати, что я в жизни интересуюсь только фольклором. Мне, например, очень нравится джаз, но джаз — музыка современная, а лошадь — существо древнее и требует других гармоний. Мне бы не хотелось, чтоб кто-то думал, что я осваиваю эти далекие культуры ради экзотики. Совсем нет! Наоборот, я ищу универсальность. Меня всегда потрясает, как музыка далеких, не знакомых нам народов, трогает и русских, и французев. Значит, эта культура универсальна, а не экзотична. Это моя пища в искусстве. В наше время трудно что-то изобрести, и все это черпается из глубины веков. Я тут во время Олимпиады ходил на тувинское горловое пение в театр Анатолия Васильева. Это же потрясающе! Ведь мы по сравнению с этой древней культурой все просто карлики. Или, например, я когда-то в одном из своих спектаклей использовал грузинское многоголосое пение. Так современные французские композиторы были тогда просто потрясены, открывая для себя этот неизвестный мир. Я всегда стремлюсь к поиску первобытности в человеке. Я работаю с лошадейю лишь потому, что они помогают мне открыть человека. Лошадь — зеркало, в котором отражается человек.

— Вы как-то обмолвились, что Стравинский для вас во многом замешан на шаманизме. Кроме того, вы провели немало времени у нас в Сибири, снимая фильм «Шаман». Что вообще для вас означает шаманская культура?

— Я говорил о шаманской природе музыки Стравинского применительно к его «Весне священной». Обычно принято считать, что он основывался на русских народных мелодиях. Но мне кажется, что в «Весне священной», помимо русского фольклора, есть очень сильная связь с языческой, шаманской культурой. А что касается шаманизма, то это не религия, конечно, но, как ни странно, на земном шаре это мировоззрение распространено гораздо больше, чем все другие религии. Религии всегда создавались

человеком и для человека. А шаманское мировоззрение рассматривает человека как часть природы, что меня очень привлекает. Удивительно современная, между прочим, концепция, хорошо согласующаяся со всякими экологическими учениями. Шаманизм развит в регионах с экстремальными природными условиями — Сибири, Азии, Африке. В больших городах мы оторваны от природы, а я считаю, что человек должен испытывать и жару, и холод, когда это положено. Поэтому мне так нравится жить в наших фургончиках, когда слышен стук дождя по крыше и природа совсем рядом. Да вы возьмите хоть лошадей: летом они теряют свою шерсть, а зимой она снова отрастает. Надо и нам приспособливаться к природе.

— Совершенно бытовое вопрос. Какое это — семнадцать лет жить кочевой жизнью и спать в фургончиках? Как вы ухитрились в таких условиях создать семью?

— Ничего страшного. Это решаемый вопрос. У меня жена, трое детей и все обстоит прекрасно. Я живу тем, что люблю. Когда дети были маленькие, они ездили со мной. Сейчас им надо ходить в школу, и тут бывают, конечно, свои сложности.

— У вас в труппе чуть ли не половина лошадей носят имена русских танцовщиков и музыкантов. Это просто имена или, может быть, вы, так сильно интересующийся восточными религиями, верите в переселение душ?

— Мне кажется, что дольше всего на свете существуют чувства. И именно эти аккумулярованные чувства могут пережить людей и, как лампочка, продолжают гореть еще долго после смерти человека. А вообще, один из самых важных вопросов для человечества — в чем глубинная разница между человеком и животным? Мне часто говорят: «Ваши лошади очень умные». А ведь все зависит от того, что называть умом. Только человек знает, что умрет, и поэтому только у него есть религия. Правда, говорят, что слоны предчувствуют свою смерть и уходят куда-то умирать. Но это лишь инстинкт.

— Вы так хорошо всегда говорите о животных. А можно поинтересоваться, кого вы больше любите — людей или лошадей? Может быть, вы вообще занялись лошадейю из мизантропии?

— Я всех люблю — и людей, и лошадей. Только всех по-своему. Знаете, когда я прихожу в семь утра в конюшню, мне иногда кажется, что лошадям тоже не терпится поработать. Такое приятное чувство!

— Перед тем, как идти к вам на интервью, я шутил с коллегами, что лучше всего было бы приехать на коне. И чтобы моя лошадь взяла интервью у вашей лошади.

— Ну что вы! Лошади, они такие молчаливые!

Встречался
Глеб СИТКОВСКИЙ